Старикова Елена Павловна

СОВЕТСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И РЕЛИГИОЗНЫЕ ОБЩИНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ СЕЛА ОРША МАРИЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ 1918-1929 ГГ.)

На примере Оршинской религиозной общины Марийской автономной области сделана попытка проследить изменения в юридическом статусе и фактическом положении церковного прихода в условиях РСФСР 1918-1929 гг. Автором рассмотрены определение нового юридического статуса прихода, процесс передачи верующим церковного имущества, порядок регистрации и постановки общины на государственный учет, особенности нового приходского устава и условия, при которых осуществлялась административная и хозяйственная жизнь общины.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/12-1/40.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 12 (38): в 3-х ч. Ч. I. С. 168-173. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 947.084
Исторические науки и археология

На примере Оршинской религиозной общины Марийской автономной области сделана попытка проследить изменения в юридическом статусе и фактическом положении церковного прихода в условиях РСФСР 1918-1929 гг. Автором рассмотрены определение нового юридического статуса прихода, процесс передачи верующим церковного имущества, порядок регистрации и постановки общины на государственный учет, особенности нового приходского устава и условия, при которых осуществлялась административная и хозяйственная жизнь общины.

Ключевые слова и фразы: община; приход; декрет; устав; совет.

Старикова Елена Павловна
Марийский государственный университет
tyulkina.elena@yandex.ru

СОВЕТСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И РЕЛИГИОЗНЫЕ ОБЩИНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ СЕЛА ОРША МАРИЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ 1918-1929 ГГ.)©

В истории Русской Православной Церкви храм являлся не только центром литургической жизни, но и имел ряд социальных, культурных функций. До революции 1917 г. он был центром образовательной, миссионерской и даже административной деятельности. При храмах существовали церковно-приходские школы, просветительские общества, здесь зачитывались правительственные указы и манифесты.

Изменение системы церковно-государственных отношений после революционных событий 1917 г. непосредственно повлияло на изменение повседневной жизни прихода. В первое десятилетие своего существования Советское государство взяло курс на искоренение религии. Однако многочисленные декреты, постановления и инструкции не смогли сломить стремление верующих сохранять приходскую и литургическую жизнь. Сложилась ситуация противостояния советской власти с религиозным убеждением и верой русского народа. Верующие не отказывались от исполнения различных предписаний и ограничений власти, поскольку согласно апостольскому учению «Церковь не вправе отказывать государству, даже дискриминирующему ее, в повиновении» [11]. Однако в жизни приходов по всей стране произошли существенные изменения, суть и значение которых недостаточно исследованы в отечественной исторической науке [3; 10].

Проблема исследования данного вопроса состоит не только в выявлении новых условий приходской жизни, но и в том, какие изменения юридического и социально-экономического статуса прихода произошли за период 1920-х гг. Эволюция приходской жизни находилась в тесной связи с эволюцией антирелигиозного законодательства 1920-х гг. В настоящей работе на примере Оршинской религиозной общины предпринята попытка выявить степень зависимости приходской общины от местных органов власти, проследить эволюцию изменения ее социально-экономического положения в условиях новых церковно-государственных отношений в период с 1918 по 1929 гг.

Община при церкви бессребреников Космы и Дамиана в селе Орша Марийской автономной области стала одной из многочисленных общин, получивших разрешение на существование после 1918 г. Ее история являет собой пример судьбы большинства приходов Русской Православной Церкви в 1920-е гг. Село Орша, в котором располагался храм, довольно часто меняло свою территориальную принадлежность к разным волостям и кантонам. Это было связано с административно-территориальными преобразованиями советской власти в начале 1920-х гг. Образование Марийской автономной области, располагавшейся на части территории бывших Вятской, Нижегородской и Казанской губерний, было провозглашено декретом от 4 ноября 1920 г. Область состояла на тот период из трѐх кантонов: Краснококшайского, Козьмодемьянского и Сернурского. В состав Краснококшайского кантона вошла Кадамская волость – бывшая территория Яранского уезда Вятской губернии. Позднее Кадамская волость была разделена на Пектубаевскую и Кужмаринскую. В 1924 г. после очередных изменений территориального устройства Марийская автономная область была разделена на 9 кантонов. В состав Торьяльского кантона вошли некоторые населѐнные пункты Кужмаринской волости, в числе которых находилось село Орша (в архивных документах встречается название «Космодамианское»), где и находилась церковь бессребреников Космы и Дамиана. Эти изменения существенно повлияли на жизнь прихода, в состав которого вошло около 17 окрестных деревень.

Декретом от 23 января 1918 г. было провозглашено отделение Церкви от государства и школы от Церкви. Это означало, что Русская Православная Церковь как крупная общественная организация теряла статус юридического лица, лишалась всей своей собственности и финансирования со стороны государства. Приходские объединения по декрету получали статус частных независимых обществ и союзов и должны были жить по своему внутреннему уставу. Однако на практике религиозная община как общественная

© Старикова Е. П., 2013

организация попала под юрисдикцию светской власти. Вместе с этим законодательство предусматривало возможность передачи и использования церковных построек, зданий и предметов приходам по особому разрешению местных властей. Процедура передачи «народного достояния» в пользование общины верующих регламентировалась постановлением НКЮ «О порядке проведения в жизнь декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви» [6, с. 828-833].

Речь шла о передаче в бесплатное пользование прихожан здания своей же церкви, объявленного «народным достоянием». Однако лишение финансовой помощи со стороны государства ставило приход в затруднительное положение. Сельский храм мог выжить в таких условиях исключительно за счет пожертвований верующих – местных крестьян, которые, как известно, не отличались финансовым благополучием.

Для того чтобы участвовать в церковной жизни и сохранить свой приход, местные жители Кужмаринской волости заключили договор с представителями местной власти. Образец такого договора был сформулирован центральной властью и публиковался как приложение к инструкции НКЮ «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» [Там же, с. 832-833]. Текст документа состоял из преамбулы, указания предмета, списка сторон и основных условий. Соглашение составлялось в двух экземплярах, копия передавалась религиозной общине.

В преамбуле договора от 5 июня 1919 г. указывалось, что его заключили «жители села Космодамианское Козьмодемьянской церкви прихода Кадамской волости Яранского уезда Вятской губернии с Кадамским Волостным Исполнительным Комитетом в лице Желонкина и И. Иванова» [1, д. 177, л. 32]. Договор был подписан 101 верующим, из которых 38 человек были неграмотными, и по их просьбе расписались другие [Там же, л. 32 – 32 об.]. По инструкции «необходимое число местных жителей, получающих богословское имущество… определялось числом не менее 20 человек».

В качестве предмета договора указывалась «передача в бесплатное пользование, находящегося в селе Космодамианском, храма с богослужебными предметами по особой… описи» [Там же, л. 32]. Далее в 13 статьях перечислялись обязанности верующих с формулировкой «мы обязуемся» [Там же, л. 32-33]. Договор заключался на добровольных началах, и каждый мог свободно «выбыть из числа его участников, подав о том письменное заявление Совету Рабочих и Крестьянских депутатов» [1, д. 177. л. 32-33; 6, с. 832-833].

Верующие несли материальную и уголовную ответственность за нарушение изложенных в договоре условий. Материальная ответственность касалась недвижимого и движимого имущества, то есть зданий и богослужебной утвари. По договору они должны были содержаться, использоваться и возвращаться в том же виде, в котором были приняты, то есть в целостности и сохранности. Кроме этого, принимающая сторона должна была иметь инвентарную опись и вносить туда всѐ приобретѐнное имущество. Уголовная ответственность наступала в случае невыполнения основных условий договора. В частности, это касалось 3 пункта, в котором предписывался запрет на использование богослужебных помещений для политических собраний враждебного советской власти направления, раздачи и продажи книг, брошюр, листовок и посланий, направленных против советской власти и еѐ представителей; произнесение проповедей и речей, враждебных советской власти или еѐ отдельным представителям; совершение набатных тревог для созыва населения в целях возбуждения его против советской власти [1, д. 177, л. 32-33]. Помимо этого, договор обязывал верующих за свой счѐт содержать и ремонтировать переданное им имущество, причѐм всякие принудительные сборы запрещались. Данный запрет повторялся в каждом последующем юридическом акте о религиозных союзах.

Поскольку народное достояние передавалось общине исключительно во временное пользование, и фактически никаких прав верующие на него не имели, то и запретить посещение церкви представителям власти они не могли. По договору они были обязаны допускать и сопровождать для проверки уполномоченных Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов [Там же].

13 статья договора обеспечивала возможность прямого вмешательства властных структур во внутренние дела общины. Согласно статье пользоваться церковным имуществом мог любой человек православного вероисповедания [Там же]. Это означало, что для контроля деятельности прихода власть могла внедрить в него своих сторонников в лице обновленцев.

Договор имел бессрочный характер. Его действие прекращалось только по письменному заявлению верующих. В этом случае они продолжали нести полную ответственность за имущество еще в течение недели. По истечении положенного срока церковь закрывалась [Там же].

Заключаемый договор не являлся равноправным, поскольку в нѐм прописывались обязанности и меры наказания исключительно для верующих. Обязанности государства не оговаривались. Тем не менее заключение такого договора было единственной возможностью сохранить храм.

Необходимо отметить, что подписание вышеуказанного договора сопровождалось составлением описей всего храмового имущества в трѐх экземплярах. Наличие построек и находящихся в них предметов сверялось по дореволюционной документации. Об этом свидетельствует название документа, в котором указано, что село Орша, где находилась церковь, входила в состав Кадамской волости Яранского уезда Вятской губернии [Там же, л. 24-29]. Один экземпляр описи получала принимающая сторона, то есть религиозная община, второй оставался в Совете Рабочих Крестьянских депутатов, а третий направлялся в Народный Комиссариат Просвещения [6, с. 828]. В опись вносилось как собственно церковное имущество (здание храма и утварь), так и имущество, не предназначенное для богослужебных целей (дворовые постройки и т.п.) [1, д. 177, л. 24-29].

По описи храма в честь Космы и Дамиана села Орша известно, что церковь была «каменная, тепло-холодная, одноэтажная с колокольней» [Там же, л. 24]. Фотографии того времени свидетельствуют, что храм имел внушительные размеры. По описи в нем находилось более 280 икон и изображений святых. На территории церкви располагались построенные на средства прихода здание школы, дома священника и диакона, изба для просфорщицы, амбары, бани, погреба. Все постройки были огорожены церковной оградкой [Там же, л. 29]. Это свидетельствует о том, что до революции храм располагал достаточным количеством средств для обеспечения разносторонней приходской жизни. Косвенно это подтверждает тот факт, что у храма имелись сберегательные книжки, которые местными властями было «разрешено получить для религиозных нужд» [Там же, л. 23, 30].

Таким образом, ни декрет, ни августовское постановление не требовали юридического оформления религиозной общины. Право на ее существование не оспаривалось. Данные законодательные акты регламентировали имущественно-правовые отношения государства и Церкви.

Начиная с 1922 г. выходит ряд постановлений, регламентирующих порядок регистрации и постановки на государственный учѐт в органах НКВД всех приходов на территории страны. Первым среди них стал декрет от 12 июня 1922 г. «О порядке созыва съездов и всероссийских совещаний различных союзов и объединений и о регистрации этих организаций» [9, с. 914]. Для регистрации устанавливался двухнедельный срок с момента публикации декрета. В результате все приходы, не зарегистрированные в срок в местных губернских или областных органах власти, объявлялись незаконными и подлежали немедленному закрытию [7]. Продолжением указанного декрета явилось постановление «О порядке утверждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли, и порядке надзора за ними», принятое в начале августа 1922 г. [9, с. 1097-1099]. В данном юридическом акте впервые требовалось наличие устава общества как обязательного условия регистрации приходской общины в Отделе управления губернского и Областного Исполнительного Комитета. Устав предоставлялся в трѐх экземплярах. Устав «Космо Дамианскаго религиознаго общества при церкви села Космо Дамианскаго Орши Кужмаринской волости Красно-Кокшайского кантона Маробласти», в котором изложены сведения о целях, задачах, составе, месте функционирования общины, подписали председатель церковно-приходского совета протоиерей Павел Шкляев, члены совета священник Филимонов, псаломщик Мотрохин и делопроизводитель совета Петров [1, д. 177, л. 2-3]. В документе указывался порядок вступления в ряды прихожан, размер членских взносов, основные руководящие органы и их состав, сроки и порядок созыва общих собраний, порядок изменения устава и порядок ликвидации общества. Вероятно, к этому времени текст уставного документа являлся только проектом устава, поскольку в постановлении указывалось, что местные органы НКВД «вправе отказать в приѐме проектов уставов для утверждения» (в случае их противоречия Конституции). Окончательный вариант был принят в связи с появлением «Инструкция о порядке регистрации религиозных обществ и выдачи разрешений на созыв съездов таковых» [2]. Текст устава был включѐн в неѐ в качестве приложения.

25 сентября 1923 г. верующие Оршинской религиозной общины направили письменное заявление с просьбой зарегистрировать своѐ общество в Краснококшайский Областной Исполнительный Комитет [1, д. 177, л. 1а]. Возможно, аналогичные заявления направлялись и раньше в связи с выходящими законодательными актами (имущество было передано общине еще в 1919 г.). Сентябрьское заявление было оформлено по новым требованиям согласно «Инструкции о порядке регистрации религиозных обществ» [2].

К заявлению прилагался перечень документов, без которых регистрация была невозможна. Помимо устава предоставлялись списки членов общины и членов церковно-приходского совета, список служителей культа (каждый список в трѐх экземплярах). Согласно постановлению от 24 августа 1918 г. регистрация общины разрешалась лишь в том случае, если в еѐ состав входило не менее 20 совершеннолетних человек [6, с. 828]. По инструкции от 15 апреля 1923 г. минимальная численность общины составляла 50 человек, «неограниченных по суду» [2]. В постановлении 1929 г. «О религиозных объединениях» вновь указывается число в 20 человек [5]. По данным архивных документов число членов Космодамианской религиозной общины доходило до 445 человек [1, д. 177, л. 3 об.]. Это объяснялось тем, что приход церкви объединял жителей более чем 15 деревень (Шанешкино, Лаксола и др.) [Там же, л. 3 – 16 об.]

Список членов общины давал властям исчерпывающую информацию о каждом прихожанине. В нем содержались данные о месте жительства, социальном и служебном положении с 1914 г., принадлежности к тому или иному сословию, имущественном положении и времени присоединения к данному культу [1, д. 177, л. 3 – 16 об.; 2]. Список членов Оршинской религиозной общины причисляет большинство прихожан к крестьянам-земледельцам (бедным или середнякам), имеющим надворные постройки. Многие из них до 1917 г. находились на военной службе, были участниками Первой мировой, а потом и Гражданской войн. Некоторые прихожане названы «служилыми сельских дорог» [1, д. 177, л. 3 – 16 об.].

Важно отметить, что до конца 1920-х г. советское законодательство в отношении религиозных общин в основном было направлено на регламентацию внешней стороны их существования. Власти стремились контролировать численность общин, их деятельность и имущество. Внутренняя структура и деятельность прихода были построены на положениях, изложенных в приходском уставе Поместного собора от 7 апреля 1918 г. Это был важный церковный документ, несмотря на то, что после принятия декрета «Об отделении церкви от государства» некоторые его положения стали неактуальны. Так, например, в уставе

говорилось, что «приход является особым юридическим лицом» [8]. Реальная действительность оказалась иной. Но в целом в 1920-е гг. устав не потерял своей значимости и послужил источником для устава, принятого советской властью в 1923 г. [4, с. 4].

В тексте нового устава была изложена структура приходского управления [4]. Община состояла из приходского причта в лице священника, диакона и псаломщика. Управлением делами прихода занимались приходские советы, в состав которых входили члены клира, церковный староста, его помощники, приходской казначей и избираемые прихожане. Чаще всего в состав приходского совета входили наиболее уважаемые прихожане.

Совет был своего рода руководящим и исполнительным органом общины. Все должности в нем были выборными. По данным 1923 г. приходской совет Космодамианской церкви состоял из 3 духовных и 20 светских лиц. Председателем был протоиерей П. А. Шкляев [1, д. 177, л. 21-22], товарищем председателя – И. В. Чепайкин (д. Гарей), должность церковного старосты занимал Н. И. Полушин (д. Окигипово), его помощником был Ф. П. Кошкин (д. Шикша). Должность попечителя занимал Г. И. Полянин (д. Лаксола), «производителя» (секретаря) – И. Я. Кошкин (д. Норспугаша) [Там же, л. 21]. Членами совета также были священник П. И. Филонов и псаломщик С. М. Мотрохин (с. Орша) [Там же, л. 22]. Остальные члены совета (жители различных деревень волости) были уполномоченными Оршинской общины [Там же]. Все гражданские члены совета были крестьянами.

Председатель приходского совета представлял интересы своей общины в местных органах власти. Все документы заверялись его подписью. Собрания прихожан по важным и текущим вопросам также проходили под его руководством. Таким образом, он имел значительный авторитет, но в то же время нѐс большую ответственность за своих прихожан перед богоборческой властью. По данным на начало 1922-1923 гг. председателем совета значился протоиерей П. А. Шкляев. С 1923 по 1927 г. сведения о том, кто занимал эту должность, отсутствуют. В 1927-1928 гг. по официальным документам общину возглавлял Я. Т. Полушин [Там же, л. 35]. На январском собрании 1927 г. он также присутствовал в качестве председателя. Однако на этом собрании проходили выборы членов церковно-приходского совета, в результате которых был составлен обновлѐнный список. В нем председателем назван Н. М. Полушин (с. Орша), а товарищем председателя – А. А. Кошкин [Там же, л. 50]. Последний в административном акте местных властей от февраля 1928 г. назван председателем общины [Там же, л. 58]. В то же время известно, что 28 декабря 1928 г. состоялось очередное общее собрание Оршинской общины верующих, на котором решался вопрос о перевыборах членов церковно-приходского совета и церковного старосты. Единогласно было решено «не производить перевыборы, так как срок полномочий настоящего состава… истекает только в будущем 1929 году». Н. М. Полушин оставался председателем совета [Там же, л. 58 – 58 об.]. Проходили ли выборы в 1929 г. – неизвестно, документально зафиксировано лишь то, что Кошкин был председателем общины в 1935-1936 гг. [Там же, л. 63, 68]. Частая смена лиц, занимающих должность председателя, объясняется изданием постановления от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» [5], в котором предписывалось исключить священнослужителей из числа членов общины. Это автоматически влекло за собой и выход из состава руководящего органа. В результате руководство общины к 1929 г. сократилось до трѐх человек [Там же]. Казначей и делопроизводитель избирались из общего состава приходского совета.

Состав рядовых членов церковно-приходского совета Оршинской религиозной общины на протяжении 1921-1930 гг. также не был постоянен и менялся по итогам перевыборов на общих собраниях [1, д. 177, л. 52]. Согласно положениям приходского устава, эти изменения объясняются тем, что ежегодно из состава совета выбывало 1/3 выборных членов [8].

В 1929 г. в связи с вступлением в силу постановления «О религиозных объединениях» в системе управления прихода появилась ревизионная комиссия, контролирующая финансовую деятельность общины [5].

Повседневная деятельность общины выражалась не только в посещении воскресных и праздничных богослужений, но и в решении административных и хозяйственных вопросов. Все проблемы общины, как и было прописано в приходском уставе, обсуждались и решались коллегиально на собраниях прихожан. Сохранившиеся протоколы собраний показывают, в какой форме проходили собрания и какие вопросы решались.

В 1922 г. для созыва приходского собрания необходимо было получить разрешение у Губернского Исполнительного комитета, в 1929 г. – районного или городского Совета депутатов трудящихся. Приходской совет, согласно инструкции 1922 г. «О выдаче разрешений на созыв съездов и собраний различных организаций, союзов и общин» [9, с. 1100], должен был за месяц сообщить в местные органы правопорядка о предстоящем собрании. Прихожане Оршинской религиозной общины обращались к местной милиции [1, д. 177, л. 48]. Для получения разрешения на созыв собрания необходимо было представить справку о регистрации, постановление приходского совета о месте, времени, составе и целях собрания, а также повестку дня. По результатам проверки этих данных принималось решение о разрешении или запрете созыва. Такой порядок обеспечивал полный контроль государства над жизнью прихода. В ходе процедуры по получению такого разрешения также взимался гербовый сбор в размере 100 рублей, что наносило дополнительный удар по финансовому состоянию общины.

Значительное количество протоколов собраний свидетельствует о том, что власти не чинили препятствий в их организации [Там же]. Скорее всего, собрания проходили в воскресные дни после богослужений. Предварительно узким составом церковного совета (председатель, церковный староста и представители духовенства) обсуждались ключевые вопросы, и составлялась повестка дня для будущего собрания [Там же, л. 35].

На самом собрании в среднем присутствовало 50-80 человек [Там же, л. 37]. Собрание начиналось с организационного момента – предлагалось избрать председателя, товарища председателя и секретаря для протоколирования. После этого объявлялась повестка дня, в которую могли быть включены вопросы найма сторожа, избрания церковного старосты и членов церковно-приходского совета, проведение текущего и капитального ремонта здания церкви и дворовых построек [Там же, л. 35, 43]. Решение вопроса о найме сторожа обычно поручалось церковному старосте [Там же, л. 49].

В 1927 г. у Оршинской общины остро стоял вопрос о проведении ремонтных работ. Для экономии средств при найме рабочей силы на собрании 27 января 1927 г. было принято решение о выборе в качестве строителей по одному человеку от каждой деревни. Всего было выбрано 17 человек [Там же, л. 48 об.]. Для организации ремонтных работ была сформирована ревизионная комиссия в составе 3 человек [Там же]. Эти решения были закреплены в протоколе собрания, где расписывались председатель, секретарь и члены-участники.

Таким образом, в целом жизнь общины протекала в русле решения текущих проблем. Местные власти довольно лояльно относились к верующим. В обнаруженных нами архивных источниках 1920-х гг. не содержится сведений о случаях претензий со стороны властей к деятельности прихода Космодамианской церкви села Орша.

Итог законотворческой деятельности в отношении религиозных общин за истѐкшее десятилетие подводился в изданном 8 апреля 1929 г. правительственном постановлении «О религиозных объединениях». Этот документ был самым большим по содержанию и количеству статей в нѐм. Постановление регламентировало все стороны приходской жизни. Особое внимание было уделено вопросу закрытия храмов, их переоборудования на другие государственные нужды. Кроме того, регламентировалась внутренняя жизнь, в частности необходимо было получать разрешение не только на собрания, но и на крестные ходы. Вмешательство в дела внутреннего управления проявились в праве местных регистрационных органов по своему усмотрению отводить отдельных лиц из состава исполнительного и ревизионного совета религиозной общины. Кроме того, 1929 г. явился рубежом в отношении государства к религиозным общинам, так как в 1930-е гг. политика приводит к ликвидации приходов.

Таким образом, традиционный уклад приходской жизни после революции 1917 г. претерпел значительные и необратимые изменения. Деятельность прихода находилась под жестким контролем властей и была связана с выполнением многочисленных требований и правил. Новые законодательные акты вводили более жесткие условия для существования религиозной общины. Вместе с тем, несмотря на активную антирелигиозную пропаганду и жестокие антицерковные правительственные акции (вскрытие мощей, изъятие церковных ценностей и др.), подорвать авторитет Церкви в провинции не удалось.

В условиях новой политики светских властей приходская община стала своего рода «спасательным кругом» для Церкви и «мишенью» для государства. С одной стороны, регистрация и исполнение всех предписаний властей было единственным способом выживания и совершения литургической жизни. Благодаря этому вера жила. С другой стороны, советские власти, учитывая, что приход был первичным каноническим подразделением Русской Православной Церкви, разработали и реализовали серию законодательных актов, которые значительно деформировали нормальное существование прихода. Сделано это было с одной единственной целью – уничтожить православные традиции и искоренить религию.

Список литературы

1. **Государственный архив Республики Марий Эл** (ГА РМЭ). Ф. Р-250. Оп. 1.
2. **Инструкция о порядке регистрации религиозных обществ и выдачи разрешений на созыв съездов таковых** [Электронный ресурс]: Постановление НКВД РСФСР от 15 апреля 1923 г. URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=4741 (дата обращения: 25.08.2013).
3. **Кедров Н. Г.** История общины верующих при церкви Вознесения Господня в Устюжне (1919-1939 гг.) [Электронный ресурс]. URL: http://www.booksite.ru/fulltext/4us/tuz/hna/2.htm (дата обращения: 16.09.2013).
4. **Нормальный устав религиозных обществ** // Известия ВЦИК. 1923. 10 мая.
5. **О религиозных объединениях** [Электронный ресурс]: Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 08.04.1929. URL: http://zakon.law7.ru/base18/part7/d18ru7686.htm (дата обращения: 25.08.2013).
6. **Следственное дело патриарха Тихона**: сборник документов по материалам Центрального архива ФСБ РФ. М.: Памятники исторической мысли, 2000. 1016 с.
7. **Слезин А. А.** За «новую веру»: государственная политика в отношении религии и политический контроль среди молодѐжи РСФСР (1918-1929 гг.). М.: Российская академия естествознания, 2009. 214 с.
8. **Собрание определений и постановлений Священного собора Православной Российской церкви 1917-1918 гг.** [Электронный ресурс]. М., 1918. Вып. 3. Приложение к «деяниям» второе. URL: http://www.bogoslov.ru/data/100/413/1234/Dejanija00.pdf (дата обращения: 25.08.2013).
9. **Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1922 г.** М., 1950. 1933 с.
10. **Спасенкова И. В.** Православная традиция русского города в 1917 – 1930-е гг. (на материалах Вологды) [Электронный ресурс]: дисс. ... к.и.н. URL: http://krotov.info/history/20/1920/vologda_00.htm (дата обращения: 16.09.2013).
11. **Цыпин В., прот.** Взаимоотношения Церкви и государства. Канонические принципы и историческая действительность [Электронный ресурс] // Исторический вестник. 2000. № 9-10. URL: http://www.vob.ru/public/bishop/istor_vest/2000/5-6_9-10/1_10.htm (дата обращения: 13.09.2013).

SOVIET LEGISLATION AND RELIGIOUS COMMUNITIES (BY MATERIAL OF ORSHA VILLAGE OF MARI AUTONOMOUS REGION IN 1918-1929)

Starikova Elena Pavlovna
Mari State University
tyulkina.elena@yandex.ru

The attempt to trace the changes in the legal status and actual situation of the parish in the RSFSR in 1918-1929 is made by the example of Orsha religious community in Mari Autonomous Region. The author considers the definition of the new legal status of the parish, the process of church property transfer to the faithful, the procedure of the state registration of the community, the features of the new parish charter and the conditions of the community's administrative and economic life.

Key word and phrases: community; parish; decree; charter; council.

УДК 7.01
Философские науки

В статье рассматривается проблема аксиологической разобщенности российского общества, которая активно обсуждается в современной гуманитаристике. Особую роль в формировании ценностной сферы культуры автор отводит отечественной образовательно-воспитательной системе. Философский анализ ценностной сферы древнерусской культуры позволяет выявить роль и место образования в проблеме формирования нравственно-эстетических ценностей личности в аспекте отечественных традиций.

Ключевые слова и фразы: аксиосфера; эстетика; педагогика; образование; воспитание; духовно-нравственные ценности.

Суворова Ирина Михайловна, к. филос. н.
Петрозаводский государственный университет
suvormih@list.ru

«КОРАБЛЬ ДУШЕВНЫЙ», ИЛИ НРАВСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ В ДРЕВНЕРУССКОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ©

Аксиологическая полемика по поводу приоритета ценностных доминант в современном обществе является предметом дискуссии философов, социологов, педагогов и психологов. Особенно актуальна ценностная проблематика в области образования и воспитания, так как именно в школьном возрасте в процессе познания мира происходит формирование ценностных ориентаций личности. «В решении проблемы использования прошлого исторического опыта нужно исходить из выявления в этом опыте непреходящих ценностей, законов и закономерностей, которые могут быть взяты на вооружение для решения наших сегодняшних и завтрашних задач» [8, с. 156]. С конца XX века отечественная система образования не раз обращалась к западным образцам, заимствуя методический, организационный и педагогический опыт без учета отечественных традиций. Об опасности такого копирования писал еще в XIX веке Н. Я. Данилевский, называя «европейничанье» типичной русской болезнью: «Взгляд как на внутренние, так и на внешние отношения и вопросы русской жизни с иностранной, европейской точки зрения, рассматривание их в европейские очки, так сказать в стекла, поляризованные под европейским углом наклонения, причем нередко то, что должно бы нам казаться окруженным лучами самого блистательного света, является совершенным мраком и темнотою» [5, с. 723]. А К. Д. Ушинский отстаивал право на приоритет отечественных педагогических традиций, представляя идею общественного смысла воспитания в принципе народности: «Воспитание, созданное самим народом и основанное на народных началах, имеет ту воспитательную силу, которой нет в самых лучших системах, основанных на абстрактных идеях или заимствованных у другого народа. Но, кроме того, только народное воспитание является живым органом в историческом процессе народного развития» [9, с. 194]. Идея народности означала для него объективную потребность каждого народа в собственной системе обучения и воспитания с национальными чертами и творческими проявлениями.

Современные ученые свидетельствуют о «новых» внедряемых ценностных ориентирах общества: «В наши дни декларируются капиталистические ценности: гражданское общество, демократическое государство, частная собственность и конкурентный рынок, причем не учитывается ни вековая культурная традиция, ни те нравственные установки, которыми жила Россия» [4, с. 12]. Также нередко звучат и предупреждения о последствиях унификации современной образовательной системы: «Чем у́же спектр типов и характеристик, представляющих систему (в том числе и образовательных) и жестче схема управления, тем меньше устойчивость и выше риски негативных сценариев развития» [2].

© Суворова И. М., 2013